

Юлия Викторовна Аргудяева¹
argudiaeva@mail.ru

РУССКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ- ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКИ В МАНЬЧЖУРИИ И НА АМЕРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ: ЭМИГРАЦИЯ И АДАПТАЦИЯ

В статье рассматриваются причины и особенности эмиграции русских старообрядцев-дальневосточников, трансляция культурного наследия русских в Маньчжурию и на Американский континент в 1930—1960-е гг. Освещается сложный путь перемещения старообрядческого населения в начале 1930-х гг. с территории юга Дальнего Востока в Маньчжурию, а уже в 1950—1960-х гг. — из Китая в Австралию и страны Южной Америки. Рассматриваются проблемы адаптации русских к местным условиям, их вклад в сохранение и развитие русской культуры в принимающих странах. Отмечена высокая приспособляемость старообрядческого населения к тяжёлым условиям жизни в новых местах. Показаны особенности хозяйственности, демографической ситуации; национальные традиции в материальной культуре, семейном быту и семейной обрядности. Несмотря на тщательное хранение духовных традиций и русского языка, в хозяйственном отношении старообрядцы не оторваны от внешнего мира. Они используют современную бытовую и сельскохозяйственную технику, хотя присутствует строгий запрет на Интернет и телевидение. Очень важным при выборе жениха или невесты является их православное вероисповедание. Возможность найти подходящего спутника жизни существует благодаря тесным контактам между различными общинами старообрядцев. В статье также уделяется внимание современным экономическим и культурным причинам дальнейшего переселения старообрядцев (преимущественно из стран Южной Америки) на территорию США и в Российскую Федерацию. **Ключевые слова:** русские, старообрядцы, эмиграция, адаптация, трансляция, хозяйство, материальная культура, быт, брак, семья, семейная обрядность.

Yulia V. Argudyaeva¹
argudiaeva@mail.ru

RUSSIAN OLD-BELIEVERS-FAR EASTERNERS IN MANCHURIA AND ON THE AMERICAN CONTINENT: EMIGRATION AND ADAPTATION

The article highlights the reasons and features of the emigration of Russian Old Believers from the Far East, the transmission of the cultural heritage of Russians

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

to Manchuria and the American continent in the 1930–1960s. The difficult way of resettlement of the Old Believers' population is highlighted — at the beginning of the 30s from the territory of the South of the Far East to Manchuria, and already in the 1950s and 60s — from China to Australia and South American countries. The problems of adaptation of Russians to local conditions, their contribution to the preservation and development of Russian culture in host countries are considered. The high adaptability of the Old Believer population to difficult living conditions in new places of life is noted. The features of economy, demographic situation, national traditions in material culture, family life and family rituals are shown. Despite the careful preservation of spiritual traditions and the Russian language, in economic terms, the Old Believers are not cut off from the outside world. They allow the use of modern household and agricultural equipment, although there is a strict ban on the Internet and television. The creation of a family is of great importance — it must be a person of the same religion. This is facilitated by the maintenance of close contacts between various communities of Old Believers. The modern economic and cultural reasons for the further resettlement of Old Believers — from mainly from the countries of South America to various states of the United States and to the Russian Federation are consecrated.

Keywords: Russians, Old Believers, emigration, adaptation, transfer of culture, economy, material culture, everyday life, marriage, family, family rite.

Формирование в южной части Дальнего Востока России общин старообрядцев неразрывно связано с переселением в Дальневосточный регион казаков и крестьян из числа восточных славян: русских, украинцев, белорусов. В эту часть Дальнего Востока входили территории бассейна верхнего, среднего и нижнего Амура и все земли к востоку до побережья Японского моря. Это были территории Амурской и частично Приморской областей. Первые русские землепроходцы — казаки — обосновались в Приамурье ещё в XVII в., но в силу целого ряда причин они в этот период не смогли здесь закрепиться. Интенсивное заселение Приамурья и Приморья русскими казаками и крестьянами началось в 50-е гг. XIX в., после воссоединения этих регионов с Россией по Айгунскому (1858 г.) и Пекинскому (1860 г.) договорам. Дальний Восток в этот период и до 1884 г. был включён в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, в ведомство Главного управления Восточной Сибири. На следующих этапах, после 1882 г., среди крестьянских мигрантов-дальневосточников стали преобладать украинские переселенцы. Белорусы начали переселяться в Дальневосточный регион преимущественно на рубеже XIX—XX вв. и составляли наименьшую долю среди восточнославянского населения.

Первые переселенцы на юг Дальнего Востока — казаки — были принудительно перемещены из соседней Забайкальской области. Впоследствии к ним были подселены казаки из Оренбуржья, с Дона, Урала, образовавшие Амурское и Уссурийское казачьи войска. Вслед за казаками пионерами в заселении и хозяйственном освоении Приамурья и Приморья стали крестьяне, среди которых было немало старообрядцев.

Основными причинами переселения старообрядцев на восток страны были следующие. Во-первых, экономические: нехватка на родине земель из-за роста деревенского населения, в том числе по причине сильного расширения фамильных однородных коллективов; и, наоборот, земельный простор и иные материальные выгоды в Дальневосточном регионе. Во-вторых, религиозные, в частности возможность уйти от преследований со стороны государства и православной церкви за своё вероисповедание. Религиозная терпимость администрации Дальнего Востока стала широко известна ревнителям «древлего благочестия» из других регионов. Дальневосточные губернаторы, понимая всю сложность задачи — сформировать на востоке страны постоянное население — и видя в старообрядцах предприимчивых хозяев, оценив их вклад в освоение региона, способность ввести в хозяйственный оборот нетронутые таёжные угодья, в отдельных случаях шли наперекор православной церкви и местному чиновничеству, стремясь освободить старообрядцев от чрезмерной опеки.

Больше старообрядцев стало переселяться на юг российского Дальнего Востока после принятого в 1860 г. Высочайшего повеления о дозволении раскольникам всех сект, кроме скопцов, приписываться к обществам городов Амурской и Приморской областей. Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьёв-Амурский это разрешение распространил и на сельскую местность, а сменивший его на этом посту М.С. Корсаков предложил предоставить переселяющимся на Амур полную свободу вероисповеданий. Усилился миграционный поток старообрядцев на восток страны после принятия 3 мая 1883 г. закона «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских», в результате чего ослабло давление на последователей Белокриницкой иерархии, а также после принятия в 1905—1906 гг. законов о веротерпимости: благодаря им старообрядцев перестали преследовать и были сняты некоторые ограничения для переселения в восточные регионы страны. Существовали и другие причины перемещения старообрядцев на юг российского Дальнего Востока, например поиски крестьянской утопической страны Беловодье.

В Приамурье старообрядцы интенсивно стали прибывать в 60-е гг. XIX в. Первыми переселенцами стали так называемые «семейские», в числе которых преобладали беглопоповцы. Они перебрались из близлежащего Забайкалья, ставшего базой старообрядческой колонизации Приамурья, и селились отдельными деревнями вдоль рек Зеи, Буреи, Белой и Томи. За семейскими стали переселяться и другие группы старообрядцев — поповцы и разные толки беспоповцев из Вятской, Енисейской, Пермской, Томской, Саратовской, Самарской и других российских губерний. Таким образом, к сложному забайкальскому компоненту старообрядцев-переселенцев добавился не менее сложный по происхождению поволжско-уральско-сибирско-алтайский, включавший, помимо севернорусских и южнорусских традиций, и традиции аборигенных народов — коми (зыряне и пермяки), обских угров (ханты и манси), через территории которых шли миграционные пути русских в Сибирь и на российский Дальний

Восток. В другом районе Приамурья — в бассейне р. Амур от Хабаровки к низовьям р. Амур — первыми были старообрядцы из Пермской губернии, поселившиеся в 1860 г. в с. Сарапульское и перебравшиеся позднее в окрестности Хабаровки, где в 90-е гг. XIX в. возникли и другие старообрядческие селения, образованные в основном уроженцами Саратовской губернии.

В начале XX в. возникает проект переселения на восток страны зарубежных старообрядцев, попавших в силу целого ряда исторических причин в XVII — первой половине XIX в. из России в Австрию, Болгарию, Румынию, Турцию. На юг Дальнего Востока России в этот период прибывает около 3 тыс. человек из числа австрийских и румынских старообрядцев, которые в дальнейшем основали к северу от г. Благовещенска сёла Климоуцы, Семёновка, Слава.

На рубеже XIX—XX вв. часть старообрядцев Амурской области в результате сокращения фонда удобных пахотных земель и начала строительства Транссиба ушла в некоторые районы Южно-Уссурийского края (Приморья). Здесь самая ранняя старообрядческая деревня Ильинка, расположенная около оз. Ханка, была основана в 1865 г. уроженцами Самарской губернии. В 1870-е гг. на оз. Ханка и недалеко от Владивостока несколько деревень образовали старообрядцы-семейские, жившие несколько лет на Аянском тракте, вблизи Охотского моря. К концу XIX в. по мере увеличения числа жителей края и подселения «мирских» в старообрядческие деревни старообрядцы уходили из своих деревень в самые глухие таёжные районы Сихотэ-Алинской горной гряды: в бассейны рек Уссури, Даубихэ (Арсеньевка), Улахэ (Уссури), Иман (Большая Уссурка), Бикин и на побережье Японского моря, где они довольно быстро обустроивались. Здесь южно-уссурийскими и постоянно прибывающими забайкальскими, уральскими, алтайскими, сибирскими и амурскими старообрядцами и их потомками, уже местными уроженцами, было основано несколько новых деревень и хуторов. В Дальневосточном регионе их этнокультурное развитие ещё более усложнилось. Наряду с сохранением некоторых черт северно- и южнорусских традиций, у дальневосточных старообрядцев в процессе взаимодействия с аборигенными и другими пришлыми как восточнославянскими (украинцами и белорусами), так и восточноазиатскими (китайцами и корейцами) народами выработались определённые элементы регионального культурного комплекса. В итоге старообрядцы Приамурья и Приморья, чьи предки прошли сложные этноадаптационные процессы в европейской части России и некоторых сопредельных государствах, на Алтае, в Сибири и Забайкалье, оказались творцами (и одновременно носителями) смешанной в этническом отношении, но русской по языку и названию культуры. И раскол в этих явлениях сыграл выдающуюся адаптивную роль: староверы не признавали строго этнических традиций, они полагали непременно значимой в браке только принадлежность к «истинной» вере.

Наряду с региональной пестротой дальневосточных старообрядцев, для них была характерна неоднородность внутренней вероисповедной структуры. На юге российского Дальнего Востока были представлены

белокриницкая (или австрийская) иерархия (поповщина), беглопоповская и беспоповская ветви «древлеправославного старообрядчества». Два основных направления — поповщина и беспоповщина — делились на толки (разновидности религиозного учения) и более мелкие его подразделения — согласия, которые объединяли верующих, придерживающихся той или иной разновидности «древлеправославной» обрядовой практики. Переходным между поповщиной и беспоповщиной было часовенное согласие (стариковщина), последователи которой были наиболее многочисленными в Приамурье и Приморье.

С началом Гражданской войны и коллективизацией из Сибири, Алтая, Забайкалья и Приамурья немало старообрядцев перебралось в Южно-Уссурийский край, в основном на побережье Японского моря, где у многих из них уже жили родственники. Здесь также власти вскоре начали экономические и политические преобразования. Крестьяне отказывались от вступления в кооперативы и колхозы, устраивались на работу на промышленные предприятия, где не надо было платить налоги. Отрицательное отношение основной массы населения к мероприятиям советской власти приняло характер вражды и открытого озлобления. Конкретными причинами нарастания таких настроений были, с одной стороны, всё усиливавшаяся контрреволюционная агитация раскулаченных крестьян и коллективизация в некоторых селениях на побережье. Это совпало с началом конфликта на КВЖД (Китайско-Восточной железной дороге), когда усилились слухи о занятии Маньчжурии китайскими войсками и белогвардейцами, о неизбежной войне, в которой должна принять участие и Япония. Распускались слухи о приходе японцев и захвате северного побережья Приморья.

Большую роль в неприятии действий советской власти играли религиозные воззрения староверов, всей повседневной жизнью которых практически руководили особо крепкие в вере старики, начётчики, монахи и монастыри. К этому времени в СССР всё активнее велась национальная политика. Особенно большие преобразования намечались среди коренных народов Сибири, Севера и Дальневосточного региона. В начале 1930 г. Далькрайисполком принял решение о выселении русских старообрядцев, занявших самовольно верховья дальневосточных таёжных рек и образовавших там ряд поселений [2, с. 43]. Это распоряжение вызвало среди старообрядцев резкое недовольство советской властью, вылившееся в 1932 г. в так называемое Кхуцинское старообрядческое контрреволюционное выступление, охватившее население нескольких десятков деревень и хуторов Приморья. Видную роль в подготовке к восстанию сыграла религиозная агитация, исходившая от монастырских старообрядческих деятелей. Они открыто выступали против нарушения права собственности и резко критиковали создание колхозов. Восстание было подавлено — начались следствие и репрессии.

Таким образом, вводимые в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Приморье так называемые твёрдые задания, раскулачивание, кооперирование и коллективизация вызывали у основной части старообрядческого

крестьянства недовольство, особенно у наиболее крепких в вере старообрядцев. Стойкое следование религиозным традициям, строгое подчинение старикам, начётчикам, монастырям, нежелание выселяться из таёжных хуторов, вступать в колхоз, отдавать детей в школу, участвовать в лесозаготовках, сдавать государству хлебные излишки побудили крестьян искать разные формы протеста — бегство в самые глухие районы уссурийской тайги, неподчинение мероприятиям советской власти, их саботирование, антисоветская агитация, вооружённое выступление, выезд за рубеж и др.

В такой ситуации в начале 30-х гг. XX в. началась старообрядческая эмиграция в соседний Китай (в его северную часть — Маньчжурию). Некоторые семьи староверов за несколько месяцев до побега переезжали в приграничные населённые пункты, где мужчины-старообрядцы устраивались на производство, преимущественно чернорабочими, оформлялись рыболовами или охотниками, заводили даже огороды, но в удобный момент тайно, ночью, при помощи китайских проводников уходили за кордон, в Северо-Восточный Китай. Так эмигрировало в Китай несколько десятков семей из деревень Приморья: Архиповки, Варпаховки, Виноградовки, Каменки, Лаулю, Перетычихи и др. Перебравшись через реки Сунгач, Усури, оз. Ханка и другие пограничные преграды, большинство старообрядцев — эмигрантов 1930-х гг. находилось какое-то время на севере Китая, в близлежащих к советской территории районах. Так, в частности в Трёхречье² поселились поповцы и беспоповцы. Первоначальная адаптация этих групп мигрантов проходила в сложных условиях. Все они зарабатывали на жизнь на подённых работах в Трёхречье у казаков и на северо-востоке Маньчжурии у китайцев: косили сено, валили строевой лес, кололи дрова, выполняли иные хозяйственные поручения. Плата за труд была мизерной, преимущественно продуктами. Выручала природная смекалка и большая трудоспособность. Некоторые вскоре стали пополнять пищевой рацион своей семьи за счёт продуктов охоты на копытного зверя и боровую дичь. Частично вначале помогало и Бюро российских эмигрантов (БРЭМ), созданное в 1935 г. под протекторатом японской Квантунской армии как представительное учреждение русских всей Маньчжурии. Постепенно основная часть старообрядцев-эмигрантов ушла из Трёхречья и недалеко от г. Харбин основала несколько русских селений: Романовку, Коломбо, Чипигу (Масаловку), Медяны, Селинхе. Это были семьи Басаргиных, Гостевских, Гуськовых, Калугиных, Кузнецовых, Кустовых, Мартюшевых, Одинцовых, Селетковых и др. [2, с. 66—125]. К 1945 г. эти старообрядческие деревни, расположенные недалеко от российско-китайской границы, насчитывали десятки дворов. Географическая близость с Приморьем обусловила и примерно схожие с ним природные условия. Это позволило полностью использовать традиции русских в хозяйственной жизни. Занимаясь в основном хлебопашеством, разведением скота и охотой

² Область трёх рек, или Трёхречье (по-китайски *Саньхэцзюй*), является территорией бассейнов притоков р. Аргуни — Гана, Дербула и Хаула — в северной части автономной территории Внутренней Монголии (*Барги*) в Маньчжурии (Китай).

на таёжных зверей и птиц, старообрядцы полностью сохранили русские традиции в этих видах деятельности и создали крепкие крестьянские хозяйства. Выручали их и средства, полученные от продажи в местные зоопарки пойманных в тайге тигрят. Поселившиеся в этой местности крестьяне получили впоследствии, уже в Америке, название «харбинцы».

Отметим, что в начале 1930-х гг. Япония, захватившая Маньчжурию, создала в Северо-Восточном Китае марионеточное государство Маньчжоу-Го. Политика территориальной экспансии Японии в Северном Китае предусматривала создание на этой территории, с одной стороны, сырьевой и продовольственной базы, с другой — военного плацдарма для дальнейшего продвижения японских войск в южную часть Китая и на север, в Советский Союз. Одним из мероприятий по осуществлению этого плана было переселение нескольких сотен семей японских крестьян на земли нового государства Маньчжоу-Го. Однако, привыкнув жить в условиях островного умеренного климата, японцы не имели опыта жизни в суровом континентальном климате Маньчжурии [1; 10; 11; 12; 13]. Такой опыт был у русских крестьян — эмигрантов. Он мог быть полезен японским переселенцам, и японские власти приложили определённые усилия для изучения быта и особенностей жизни старообрядцев-эмигрантов, которые за короткие сроки максимально эффективно приспособились к природно-климатическим и бытовым условиям Северо-Востока Китая. Поэтому исследователи досконально изучили жизнь и быт старообрядцев одной из таких деревень — Романовки — и в итоге опубликовали несколько книг и статей [1; 10; 11; 12; 13] о маньчжурских старообрядцах, что расширило наши знания о жизни приморских старообрядцев — эмигрантов в Маньчжурии.

Иноэтническое и инокультурное окружение не помешало русским крестьянам-старообрядцам успешно адаптироваться на новой территории и сохранить свои традиции в хозяйстве, семейно-бытовом укладе, материальной и духовной культуре, в том числе в религии. Этому способствовал ряд экономических, природно-экологических условий, невмешательство китайских и японских властей в религиозные воззрения старообрядцев и др. Так протекала жизнь старообрядцев в Маньчжурии до августа 1945 г.

После прихода в Маньчжурию из СССР в 1945 г. Красной армии многих русских старообрядческих деревень, в частности Романовки, практически не осталось. Часть мужчин-староверов увезли в СССР и подвергли репрессиям: они отбывали свои сроки в течение 8—10 лет в лагерях, преимущественно на Урале, в Сибири, Магадане. Реабилитированные после смерти Сталина, они какое-то время жили в Сибири, в Красноярском крае. Сюда к некоторым из них приехали из Маньчжурии жёны с детьми. Оставшиеся в Китае старообрядческие семьи в силу разных причин (действия китайских властей, отсутствие отцов-кормильцев и старших сыновей, сокращение в окрестностях деревень поголовья диких животных, промысел которых давал значительную прибавку к семейному бюджету, и др.) перебрались к родственникам в другие старообрядческие населённые пункты Маньчжурии (Баринхе и др.) или создали новые поселения — Знаменка, Ситахеза.

Возвратившиеся в СССР семьи старообрядцев-«харбинцев» в начале 1960-х гг. потянулись из Сибири в малообжитые места Хабаровского края. Здесь, на р. Амгунь, в местах будущей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, они основали несколько старообрядческих посёлков: Амгунь (впоследствии переименованный в пос. Тавлинка), Гусевка и др. Постепенно в этот район стали стекаться более крепкие в вере старообрядцы из числа бывших маньчжурских жителей и из Приморья. У этих «хабаровских» старообрядцев, прежде всего у выходцев из Маньчжурии и их потомков, продолжает сохраняться традиционная русская культура в области хозяйственного и материального быта, брачных отношений и семейной обрядности. Для них характерны тесные брачные контакты не только со староверами российского Дальнего Востока (из посёлков Приморского и Хабаровского краёв, Еврейской автономной области), но и с единоверцами из Красноярского края и родственные — с потомками «маньчжурских» старообрядцев из США, Канады, Австралии.

Оставшиеся в Китае семьи старообрядцев начали хлопотать о выезде из этой страны ещё в 1952 г. К этому времени здесь началось кооперирование китайских крестьянских хозяйств, что могло коснуться и староверов, живших единоличным хозяйством. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. несколько русских семей из Харбина и Мукдена вырвались за границу и оттуда сообщили, что в Гонконге существует организация — «Совет церквей», которая оказывает помощь всем желающим уехать из Китая: достаёт визы в разные страны, оплачивает проезды, одевает, обувает и кормит. Прилагался и адрес, обращаться по которому можно было и по-русски. Эта новость вселила надежду, и старообрядцы начали писать по указанному адресу. Ответа никто не получил. Оказалось, что Хайларское почтовое отделение передавало все письма в советское консульство, где по почерку быстро нашли «писарей». Их вызвали в полицейские участки и предупредили, что за связь с империалистическими странами их сурово накажут, вплоть до смертной казни. Тогда старообрядцы стали писать своим друзьям в Харбин, а те пересылали письма в Гонконг. Очень скоро тем же путём пришли ответы и опросные анкеты, содержавшие всего несколько вопросов: имя, фамилия, возраст, специальность, состояние здоровья. Они коренным образом отличались от анкет советского консульства, где было более двухсот вопросов. Затем некоторые старообрядцы получили извещение, где сообщалось, что их просьба удовлетворена, и было рекомендовано начать хлопоты о получении выездной визы из Китая в Гонконг. В китайской полиции всем просителям визы в Гонконг отвечали одной и той же фразой: принесите справку из советского консульства о снятии вас с учёта. Советские власти всячески препятствовали стремлению русских людей эмигрировать в капиталистические страны. В консульстве на них смотрели как на предателей родины, убеждали вернуться в СССР, угрожали наказаниями, но анкеты всё же давали. Старообрядцы были вынуждены ответить на десятки вопросов и в течение нескольких месяцев, а то и лет ожидать решения властей. Потом

требовалось заполнять новые анкеты и снова ждать. Такая ситуация тянулась несколько лет. И лишь в 1957 г., продав своё хозяйство китайцам, которые, по воспоминаниям старообрядцев, им хорошо заплатили, они начали покидать Китай, перемещаясь в Гонконг [МРК. Участие Федерации русских благотворительных организаций в США в переселении староверов из Маньчжурии в Бразилию. Письмо Всемирного совета церквей от 11 авг. 1958 г. Л. 63].

В конце 1950-х гг., после нескольких лет дружбы и сотрудничества, отношения между СССР и КНР ухудшились, и китайская эмиграционная политика изменилась: старообрядцам дали понять, что их дальнейшее пребывание в стране нежелательно, и будет лучше, если они покинут Китай. Благодаря этому у русских эмигрантов, в том числе старообрядцев, появилось больше возможностей выехать из Китая в Австралию и страны Южной Америки, а уже оттуда, позднее, в Северную Америку. Этот исход русской эмиграции из Китая занял более 10 лет. Долгие месяцы, пока в кабинетах посольств и консульств решалась их дальнейшая судьба, сотни семей старообрядцев сидели в ожидании, чаще всего без работы, довольствуясь небольшим пособием. Устроиться и продержаться в Гонконге им помогли Международный Красный Крест и Всемирный совет церквей. Отсюда они смогли разъехаться по разным странам, прежде всего в Бразилию. Всемирный совет церквей сумел уладить все иммиграционные вопросы с правительством Бразилии, в том числе получение виз, без которых китайские власти не давали разрешения на въезд в переполненный Гонконг. На деньги Национального совета христианских церквей для 650 человек было куплено 6 тыс. акров земли в Бразилии — в Паране, в 50 милях от г. Кюриtiba. Особенную помощь оказала Федерация русских благотворительных организаций (Нью-Йорк — Сан-Франциско) [8] и молокане. Прибыв в США из России в 1904 г., молокане оказались первыми русскими жителями Лос-Анджелеса. Эти переселенцы прибывали малыми и большими группами до 1911 г., в 1930 г. их было более 8 тыс.

Шестилетняя программа по переселению беженцев из Китая в другие страны в основном финансировалась на средства Международной беженской организации. Но деньги подходили к концу, и срочно требовались дополнительные вливания. Благодаря призыву руководства Межправительственного комитета европейской миграции (ICEM) они были получены. Правительство США выделило 450 тыс. долл. для переселения 1958 человек, с условием, что этот вклад будет дополнен правительствами других стран. Австралия, Израиль, Ватикан, Люксембург, Великобритания внесли свои пожертвования ещё раньше. Получив деньги, ICEM смог обеспечить перевозку примерно 500 из 953 беженцев, ожидавших решения своей судьбы в Гонконге. Постановили 493 староверов переправить первыми, поскольку они представляли самую большую «семейную» группу [МРК. Участие Федерации русских благотворительных организаций в США в переселении староверов из Маньчжурии в Бразилию. 1958. ICEM Л. 12]. Отметим, что помимо «харбинцев» в Гонконге находилась и другая группа

старообрядцев, обосновавшихся в Северо-Западном Китае — в Синьцзяне. Это были беспоповцы, бежавшие, как и харбинцы, из СССР, с Алтая, в годы коллективизации. Впоследствии на американском континенте их стали называть «синьцзянцы». Туда же, в Америку, в 1960-е гг. прибыла и третья региональная группа старообрядцев-эмигрантов — из Турции, которая в США получила наименование «турчане».

Первая группа старообрядцев-переселенцев прилетела из Гонконга в Лос-Анджелес 15 мая 1958 г. [МРК. Участие Федерации русских благотворительных организаций в США в переселении староверов из Маньчжурии в Бразилию. Письмо Всемирного совета церквей от 11 авг. 1958 г. Л. 30]. На лётном поле собралось множество людей. Всех поразило вид старообрядцев, одетых в красочные сарафаны и косоворотки. Группа состояла из 15 мужчин, старшим из которых был «харбинец», 74-летний Автоном Семёнович Куликов, родом из Приамурья, 19 женщин и 48 детей. Впереди всех шёл групповод А.С. Куликов. Приблизившись к встречающим, он сделал глубокий поклон и поздоровался. Его окружала семья из 11 человек, на руках несли месячную внучку Марию, родившуюся в Гонконге.

Переезд старообрядцев из Китая в другие страны был в центре внимания американцев. В Лос-Анджелесе старообрядцев разместили в 33 комнатах Дон-Отеля в Уилмингтоне, где они провели три дня, с 15 по 17 мая 1958 г. Их завалили подарками: от детских игрушек и одежды до сельскохозяйственного инвентаря, который мог пригодиться в Бразилии. 17 мая 1958 г. старообрядцы были размещены вместе с запасом семян, удобрений, инструментов, сельскохозяйственным и домашним инвентарём, одеждой, предоставленными им в подарок американскими протестантами, на борту парохода «Brazil-Maru». После их отъезда русские, в том числе молокане, не переставали беспокоиться о них [МРК. Участие Федерации русских благотворительных организаций в США в переселении староверов из Маньчжурии в Бразилию. 1958. Л. 56]. К этому времени к первой группе из 82 старообрядцев присоединилась другая, превышающая 300 чел. В период с 27 мая по 26 июня 1958 г. на различных самолётах (из Гонконга) и судах в Бразилию прибыло несколько сотен русских старообрядцев. Около 200 староверов, ожидавших возможности выехать в Бразилию, ещё оставались в Китае. Всего из Китая удалось вывезти 1450 беженцев, из них 650 старообрядцев из Трёхречья и других районов Маньчжурии [14]. Всемирная организация церквей приобрела в Бразилии для старообрядцев по 25 га земли на семью и посулила им хорошие условия жизни [МРК. Участие Федерации русских благотворительных организаций в США в переселении староверов из Маньчжурии в Бразилию. Письмо Всемирного совета церквей от 11 авг. 1958 г. Л. 63]. К сожалению, в реальности всё оказалось несколько иначе. Природа и окружающая обстановка были совершенно иными, чем в России или Китае [5, с. 401—405]. Но то, что могло обескуражить других, не всегда смущало старообрядцев, которые трудные условия воспринимали спокойно [МРК. Участие Федерации русских благотворительных организаций в США в переселении

староверов из Маньчжурии в Бразилию. 1958. Л. 45]. К тому же и организаторы переселения старообрядцев не оставляли их без внимания. «Целый год они нас там кормили, — вспоминал старообрядец-эмигрант, уроженец Приморья П.Г. Мартюшев. — И землю эту вспахали они, организация эта. И дали нам на дома материал. Дома, конечно, мы сами построили; они там из досок, утепления не надо, потому что тепло. Купили нам на каждый посёлок по трактору, каждой семье денег дали, чтобы мы купили себе лошадей. Очень хорошо нас снабдили» [6, с. 656]. Одновременно некоторые старообрядцы переехали в близлежащие страны Южной Америки — Аргентину, Парагвай, Чили, Уругвай и Боливию.

Основной причиной переезда в Боливию послужил радушный приём со стороны правительства страны, которое выделило староверам землю. Важным было и то обстоятельство, что боливийская земля могла давать урожаи без применения удобрений. С тех пор старообрядческая община Боливии стала одной из самых крепких во всей Латинской Америке. К южноамериканской действительности русские старообрядцы приспособились довольно быстро, они стойко переносили жару, несмотря на то, что открывать тело им непозволительно. К ягуарам уже тоже привыкли, не особо их боялись, только защищали от них домашнюю живность [4]. Правительство Боливии, заинтересованное в рабочей силе, пошло староверам навстречу и выделило на своей территории, в основном в тропических департаментах, земли, где они могли бы жить по своим канонам вдали от больших городов. Старообрядцам были предоставлены также льготные кредиты. В 2005 г. в Боливии общины русских старообрядцев объединяли около 2000 чел., т.е. две трети всех, говорящих в этой стране по-русски [9]. Жители старообрядческих деревень, расположенных в отдалённых районах Боливии (Ла-Пас, Санта-Крус, Кочабамба и Бени), занимались животноводством и земледелием, выращивая рис, кукурузу, пшеницу, бананы, ананасы, подсолнечник, сою. В чём-то они достигли высот мастерства.

Боливийские старообрядцы сберегли свои традиции, православную религию, русский язык. Все они являлись старообрядцами-беспоповцами. Даже современные старообрядцы, которые не только сами никогда не бывали в России, но чьи отцы и деды родились либо в Китае, либо в Южной Америке, общаются по-русски, как и их предки сто лет назад в сибирской или дальневосточной деревне. Русский язык сохраняется благодаря усилиям членов общины. Дети до семилетнего возраста воспитываются только в деревне. Затем они начинают (но далеко не все) ходить в обычную сельскую школу, где преподавание ведётся на испанском языке. Но одновременно учителя (из своих же членов общины) преподают им чтение и письмо, чтобы уметь читать священные книги, а матери рассказывают русские сказки, передающиеся из поколения в поколение.

Хотя некоторые из молодых старообрядцев уехали в крупные города, большинство предпочитает жить в тихих деревушках. Детей в большие города отпускали неохотно, так как там, по мнению родителей, к которым

принято прислушиваться, очень много соблазнов. Сохранению традиционных ценностей способствует и то, что латиноамериканские староверы неохотно разрешают своим детям вступать в брак с людьми другой религии. Особые требования предъявляют старообрядцы к родственным связям. Каждая семья заинтересована, чтобы их дети как можно раньше (самый подходящий возраст 13—15 лет) нашли себе спутника жизни. Но даже с дальними родственниками (до восьми степеней кровного и духовного родства) браки категорически запрещены, поэтому молодым старообрядцам приходится искать себе спутниц жизни в других странах, где существуют большие старообрядческие общины, порой за тысячи километров от дома, так как староверческие поселения разбросаны по многим странам Южной Америки и всему Азиатско-Тихоокеанскому региону, в том числе в России. Там можно присмотреться и найти себе не родственную пару. Смешанных браков с местными жителями почти не бывает. В случае, если русская девушка выходит замуж за боливийца, он обязан принять православную веру, одеваться, читать и говорить по-русски и полностью соблюдать традиции староверов, включая чтение святых книг. Неудивительно, что такие свадьбы случаются крайне редко. В соответствии с установленными канонами женщина должна иметь столько детей, «сколько Бог даст», и предохраняться от беременности считается грехом. Роды обычно проходят в деревне, женщине помогают бабки-повитухи. За помощью в больницу обращаются в крайнем случае — при трудных родах.

Несмотря на сопротивление староверов внешнему влиянию и цивилизации, полностью отказаться от них не удаётся. Старообрядцы в Боливии — это самодостаточные общины, но они не оторваны от внешнего мира. Они смогли прекрасно наладить свой быт, культурную жизнь. В хозяйственном и семейном быту широко используют современную технику (трактора, машины, холодильники, стиральные и швейные машины и др.), электричество. Иное дело — духовная жизнь. Просмотр телевизора, посещение кинотеатров, чтение светской литературы, использование Интернета строго запрещено. Обычно староверы не поют светских песен, стремясь сохранять благочестие, но на праздниках все поют и танцуют [4]. Праздники справляют очень торжественно с песнями, но с такими, которые не противоречат их религии. Несмотря на то, что телевизор под запретом, они в курсе всех основных событий. У некоторых всё же имеются портативные телевизоры, которые смотрят тайком, приглушив звук. В пищу употребляют в основном продукцию, получаемую на своих подворьях. Но ряд продуктов — соль, сахар, растительное масло — приходится покупать в магазине.

За время пребывания староверов в Боливии в этой стране сменилось много президентов, но никогда старообрядцы не имели сложностей в отношениях с властями. Серьёзные проблемы у боливийских староверов начались с приходом к власти президента Эво Моралеса, который был одной из главных фигур «левого поворота» в Латинской Америке и стал первым лидером Боливии, посетившим Россию. Этот политик выступает

как поборник идей социализма, антиимпериализма и защитник общин, в которых многие индейские племена продолжают сохранять свой уклад жизни с древних времён. По мнению исследователей, он стремится выдвинуть из создаваемого им чисто индейского государства все «чужеродные элементы», включая иностранцев и белых боливийцев, к числу которых относятся русские старообрядцы. Неудивительно, что при Моралесе вдруг появились «проблемы» с землёй у староверов. Именно после этого активизировался процесс обратного переселения старообрядцев в Россию, сначала из Боливии, а потом по их примеру и из других латиноамериканских государств, прежде всего тех, где у власти стоят правители, которые входят в «Боливарианский альянс» или симпатизируют ему [4]. Помимо этого, по словам самих старообрядцев, их потянуло на родину своих предков, о которой они знали от своих отцов и дедов. Сегодня российский МИД помогает процессу репатриации старообрядцев.

Примерно такая же, как в Боливии, сложилась старообрядческая община и в Уругвае. В этой стране поселения русских староверов находятся в 170 км от столицы страны — г. Монтевидео. У одной из деревень нет официального названия, местные уругвайцы зовут её Колония Офир, а в счетах электрической компании она именуется Caminodelosbarbudos (Дорога бородачей). Основание деревни относится к тому времени, когда 16 семей в 1966 г. приехали из Бразилии в Уругвай при поддержке правительства президента Хестидо. Поначалу они обрабатывали 51 га земли, работали по найму. Позднее у староверов было уже 800 га, каждая семья обзавелась двумя-тремя тракторами [3]. Уругвайская старообрядческая община известна среди единоверцев строгими нравами, и в поисках невест сюда приезжают женихи из многих стран. В старообрядческих поселениях часто гостит кто-то из молодёжи: родители посылают детей к единоверцам, живущим в других странах и на других материках: пусть поживут у родных и знакомых, приглядятся, может быть, найдут свою судьбу. Разводы у старообрядцев запрещены за единственным исключением — если кто-то из супругов угрожает другому смертью. Жители селения Офир имеют тесные родственные связи со штатами Орегон и Аляска США. В уругвайской общине говорят исключительно по-русски и не отдают детей в местные школы, хотя власти настаивают [5]. Все дети по несколько часов в день занимаются в своей (старообрядческой) школе, в едином для всех классе с преподавателем-старообрядцем. Они учатся чтению и читают церковные книги, изучают русский язык, арифметику и немного испанский, считая, что для общения с местным населением и получения кредита в банке знания этого языка в небольшом объёме вполне достаточно. В деревне выращивают овощи, кукурузу, пшеницу, подсолнечник и ячмень, который покупают предприятия пивоиндустрии. Женщины готовят творог, сыр, сметану. Они продают всё это в соседних населённых пунктах. Дети работают рядом с родителями с малых лет. Занимаются здесь и рыболовством в реках Уругвай и Рио-Негро. Это приносит неплохой доход. Некоторые периодически уезжают на заработки — в основном на Аляску.

Женщины-старообрядки — отличные вышивальщицы. Заказы на работы некоторых поступают из многих зарубежных старообрядческих общин, особенно из США [3].

Примечательно, что практически все старообрядцы, родившиеся в Боливии, Бразилии, Уругвае и имеющие гражданство этих государств, своей родиной всё же считают Россию. Желание перебраться в Россию у многих южноамериканских старообрядцев возникло давно. Особенно оно усилилось в последние годы благодаря не только развитию межгосударственных отношений между Боливией, Уругваем, Бразилией и Россией, но и созданию в России программы по добровольному переселению соотечественников.

Хотя постепенно положение старообрядцев в странах Южной Америки улучшилось, настоящего удовлетворения от переезда в этот регион старообрядцы не получили. Природные условия этих государств (жара, неурожай, низкие цены на зерно, обилие насекомых и др.) не устраивали некоторые старообрядческие семьи. Поэтому часть из них при помощи молокан уехала в США, в основном в штат Нью-Джерси, откуда впоследствии семьи отправились в штаты Аляска и Орегон.

Формирование старообрядческих общин в Орегоне началось примерно после пяти лет пребывания старообрядцев в Бразилии. Миграция, перемена местожительства были уже заложены в устоях старообрядцев-беспоповцев. Они были готовы сменить место проживания, как только чувствовали ухудшение условий жизни. Перебраться в штаты Нью-Джерси и Орегон русским старообрядцам помогли связи, которые они приобрели в Лос-Анджелесе по пути в Бразилию. В то время эти штаты, особенно Орегон, очень нуждались в рабочей силе. Для переезда требовались вызов и гарантии, что переселенец сможет обжиться в США на свои средства или с помощью поручителя [5, с. 403—405]. Такими поручителями нередко выступали молокане, жившие в Лос-Анджелесе. В обустройстве русских старообрядцев в США большую помощь оказал Толстовский фонд, основанный А.Л. Толстой³. Хотя эта благотворительная организация размещалась на восточном побережье США, Александра Львовна не обошла своим вниманием и русских на тихоокеанском побережье Америки.

Непросто было старообрядцам прижиться в США. В штате Орегон первоначально они работали на фермах своих спонсоров: многим надо было оплатить долги за переезд, встать на ноги. Местным фермерам, выращивавшим разные ягоды, это было выгодно, так как на сбор урожая выходила вся многодетная староверческая семья. Первым переселенцам быстро освоиться мешало незнание английского языка. Но постепенно языковой барьер был преодолен, и они стали искать заработка в других местах. Выручали природное трудолюбие и смекалка. Поскольку многие из них, особенно «харбинцы», имели навыки работы с деревом (сами возводили себе в Китае рубленые избы и хозяйственные постройки), их охотно

³ Александра Львовна Толстая (1884—1979, США). Младшая дочь Л.Н. Толстого. Основала с русскими американскими деятелями Толстовский фонд (1939 г.).

принимали работать на мебельные фабрики. Мужчины изготавливали мебель, женщины шили покрытие для неё. Даже отсутствие старообрядцев на работе в дни религиозных праздников не смущало хозяев, так как они знали, что староверы всегда отработают пропущенные дни и выполнят свою работу качественно. Определённый доход давала работа в лесу на посадках деревьев. Постепенно, заработав нужные суммы, они завели на арендованной или купленной земле собственные *фармы* (фермы) по выращиванию ягод, новогодних ёлок и различных декоративных растений. Часть староверов всю неделю работала на фабрике, а по вечерам и в субботние дни — на своих *фармах*. Некоторые параллельно занимались охотой в окрестных лесах и промышленным ловом рыбы в штате Аляска.

Насколько успешно шло приобщение к местным условиям хозяйствования, настолько сложно было старообрядцам-первопоселенцам привыкать к общему регламенту повседневной жизни. Из-за незнания языка и американских законов они нередко оказывались в сложных ситуациях. Местные орегонские власти понимали, что трудности преодоления языкового барьера, сами по себе немалые, кажутся ничтожными по сравнению с проблемами, возникающими при попытке установить контакт с людьми, отличающимися своими культурно-философскими взглядами на жизнь, Бога и общество. Над каждым из старообрядцев незримо довлела и целая мировоззренческая система, и набор культурно-обусловленных предпосылок. Риск не понять или неправильно истолковать позицию собеседника был огромен. Наблюдая малую, по мнению местных властей, старообрядческую духовно ориентированную, подчинённую культуру и большую, динамичную, доминирующую американскую культуру, они отмечали большие сложности в их взаимодействии. Первопоселенцы-старообрядцы сопротивлялись новой культуре, считая, что исполняют свой долг перед Богом — сохранить и передать веру, традиции и обычаи наследникам и потомкам, как они, в свою очередь, получили их от предков. У той и другой стороны первоначально отсутствовало внимание к противоположной точке зрения, она не учитывалась и не принималась. Далеко не сразу обе стороны начинали понимать друг друга. И следует отдать должное местным властям, которые проделали громадную работу, стремясь облегчить вхождение старообрядцев в новое для них общество, с его законами и регламентом общественной жизни. В целях более продуктивного общения с не знающими английский язык старообрядцами, в штат большинства служб (полиция, муниципальные и окружные учреждения правопорядка, суды, департамент по делам несовершеннолетних, служба внутренних налогов и сборов, служба иммиграции, рыболовная комиссия, отдел транспорта, отделение службы занятости, бюро труда, управление социальной защиты, отдел здравоохранения, управление народного благосостояния, региональные и местные строительные инспекции и др.) были введены русскоговорящие переводчики. Постепенно жизнь наладилась. В экономической и хозяйственной сферах орегонские эмигранты-староверы адаптировались сравнительно быстро и успешно, создав материальную основу

жизни своим детям и внукам. В настоящее время живёт и трудится уже второе и третье поколения бывших переселенцев-староверов. Многие из них приобрели другие профессии, в частности создали фирмы по строительству и сборке жилых домов и преуспевают в этом деле. Хорошие заработки получают и от промышленного рыболовства на Аляске, многие имеют в собственности рыболовные катера. Ушли в прошлое нужда, неустроенность, плохо налаженный быт. Прожив несколько лет в Орегоне, часть старообрядцев, чтобы спасти подрастающую молодёжь от «разлагающего» влияния телевидения, табака, алкоголя, наркотиков, уже широко распространившегося в этом штате среди американцев, решила снова «уйти от греха подальше» — переселиться на Кенайский полуостров, на Аляску.

В 1967 г. по совету Толстовского фонда туда отправились на разведку в поисках подходящего места четыре ходока-«харбинца», в том числе Прохор Мартюшев и Григорий Гостевской [ПМА. Информация С.Г. Калугиной]. За 14 тыс. долл. на Кенайском полуострове, недалеко от г. Хомера была куплена квадратная миля земли. Такое перемещение старообрядцев-«харбинцев» можно назвать религиозной эмиграцией. В 1968 г. семьи Прохора Мартюшева, его сыновей Кирилла и Владимира, его отца Григория и Калугина Стафея (все «харбинцы») взяли в долг 20-тонный самосвал и гусеничный трактор, которым можно копать землю и прокладывать дорогу, и отправились в путь. Добирались через Канаду в течение нескольких дней. Несмотря на весеннее время, было холодно, дорогу покрывал снег, реки ещё не вскрылись. 13 мая 1968 г. прибыли в местность недалеко от купленной ими земли. Первая старообрядческая деревня на Аляске — Николаевск — началась с обыкновенных палаток [ПМА. Информация С.Г. Калугиной]. После тёплого и обустроенного Вудборна, где уже широко использовали различную бытовую технику, работавшую на электричестве, в Николаевске пришлось вернуться к старым бытовым традициям. По воспоминаниям о первых годах пребывания на Аляске одной из первопоселенок — Соломеи Калугиной — существенную помощь в обустройстве на новом месте им оказали местные американцы, жившие неподалёку. Они снабдили старообрядцев печью, топившейся дровами, показали, где можно брать питьевую воду, привозили пищу. Но больше всех помогали алеуты [ПМА. Информация С.Г. Калугиной].

По русской традиции одной из первых бытовых построек была баня. Её соорудили в палатке, воду грели в больших банках. Вскоре построили баню из дерева. Постепенно стали обзаводиться строительной техникой, приобрели трактор и трейлер. Приступили к строительству деревянных жилищ, посадили и вырастили овощи. Выручали окрестные леса, к которым «харбинцы» привыкли в Приморье, а затем и в Маньчжурии. Здесь, как на Дальнем Востоке и в Китае, дикоросы, растущие в изобилии, дополняли запасы еды. Это были грибы, голубика, морошка, брусника. Их употребляли как в свежем виде, так и заготавливали впрок в виде варенья. Это был детский и женский промысел. Женщины также успешно охотились на рябчиков. Для коров, которых завели через год после прибытия

на Аляску, заготавливали сено. Эта обязанность также ложилась на плечи женщин, так как мужчины были заняты на строительстве дороги до ближайшего населённого пункта или на заработках. Свои овощи, молочные продукты и яйца кур-несушек, которых завели при помощи местных американцев, были хорошим подспорьем в питании. Налаживался и повседневный быт: провели водопровод, а затем и электричество. Пищу стали готовить на электрической плите, стирать — в стиральной машине, продукты хранить в холодильниках и в «ледниках»⁴. На следующий год Николаевск пополнился новыми семьями старообрядцев, приехавшими из Орегона. Уже через четыре года население этой деревни превышало 200 чел. Впоследствии в окрестностях Николаевска возникло ещё несколько населённых пунктов. Все главы прибывших семей были «харбинцами», жившими раньше в Приморье, или их потомками (Басаргины, Гостевские, Калугины, Кузнецовы, Мартюшевы, Ревтовы, Семериковы, Якунины и др.). И лишь у некоторых их жёны были из числа «синьцзянок» и «турчанок».

Хозяйственная деятельность старообрядцев на Кенайском полуострове была иной, чем в Орегоне. На суровой по природным условиям Аляске заниматься традиционным земледелием, хотя бы в виде выращивания ягодных культур, было невозможно. Средства к существованию добывали иными способами. Продукция первых таёжных промыслов (охотиться на копытных стали позднее), скотоводства и огородничества не покрывала полностью пищевые потребности переселенцев-старообрядцев. Часть продуктов можно было приобрести только за деньги. Необходимы были средства и для покупки строительной и бытовой техники, одежды и обуви, утвари и других предметов обихода. Трудолюбивые старoverы всегда находили выход из сложившейся ситуации. Нашли его и на Кенайском полуострове. Мужчины, как основные добытчики в семье и основные посредники в общении с внешним, вне общины, миром нашли заработки на ближайшем рыбоконсервном заводе в 40 милях от Николаевска [7, с. 56]. Имевшийся у многих глав старoverческих семей опыт деревообработки позволил им наняться на имевшийся в округе заводик по производству небольших маломерных морских рыболовных судов. Вскоре, освоив эту профессию, они сумели основать собственное дело — «Русскую морскую компанию». Построенная в Николаевске крытая верфь позволяла ежегодно производить из стеклопласта по 13—15 «русских», как их стали называть, оснащённых современной техникой рыболовных катеров, пригодных для лова рыбы в океане. Некоторые из старoverов стали выходить на катерах собственного производства на коммерческий промысел лосося, палтуса, королевского краба, креветок [7, с. 659]. Доходы от этого вида деятельности стали не только ощутимыми, но и значительными. Создали свои верфи и стали строить катера в других, возникших на Аляске, старообрядческих беспоповческих деревнях. Их жители также занялись коммерческим ловом рыбы.

⁴ Специальные большие ящики, работавшие на электричестве. — *Прим. авт.*

Однако жизнь постепенно менялась и у аляскинских, и у орегонских старообрядцев. В 1983 г. в Николаевске открыли новую большую государственную школу с прекрасно оборудованными классами, спортивным залом, телевизорами и компьютерами. Старшее поколение староверов увидело в телевизорах и компьютерах опасность «ослабления в вере». Вновь разгорелись жаркие споры, начались поиски истины и призывы «уйти подальше от соблазнов». В 1980-е гг. часть аляскинских и орегонских старообрядцев пришли к выводу о необходимости принятия ими священства и отправились в Румынию к староверческому патриарху. Там, в г. Браила, наставники — «харбинец» Кондратий Фефелов из Николаевска и «турчанин» Тимофей Торан из Вудборна, пройдя соответствующее обучение, были рукоположены в священники. Так в Николаевске и Вудборне появились старообрядцы-поповцы. Однако переход некоторых старообрядцев-беспоповцев в поповство расколол некогда единые старообрядческие общины и вызвал взрыв негодования у остальных староверов-беспоповцев, воспринявших такие нововведения как возврат в никонианскую веру. В итоге в семьях пошёл разлад, некоторые жёны ушли от мужей; не только прежние соседи и хорошие друзья, но и родные братья и сёстры, оказавшиеся теперь в лагере поповцев или беспоповцев, перестали общаться и до сих пор не желают видеть друг друга. Общины раскололись. В результате треть аляскинских семей староверов выселилась из Николаевска и в 70—80 км от этого села образовала пять новых населённых пунктов староверов-беспоповцев — Вознесенку, Находку, Раздольное, Ключевую, Качемак-село. Так произошла уже в рамках одного региона, Аляски, внутрирегиональная миграция, но уже на другой основе — в связи с конфессиональным разногласием. С появлением у североамериканских старообрядцев священства под угрозой оказалось создание семей. Ранее эта демографическая проблема разрешилась благодаря приезду в США разных региональных групп старообрядцев-беспоповцев и появлению достаточно широкого круга брачных партнёров. Однако теперь браки между поповцами и беспоповцами стали проблематичными. Возникали также коллизии между наставниками и священниками, родителями и многочисленной роднёй новобрачных. Поэтому поповцам, которые оказались в меньшинстве, пришлось засылать сватов к староверам поповских приходов в Южную Америку, Австралию и даже в Россию.

Уход части русских старообрядцев из Орегона был обусловлен не только религиозными причинами, которые первоначально успешно разрешились на Аляске. Когда в Орегоне стоимость земли стала повышаться, часть фермеров-старообрядцев решила отправиться в другие штаты, в частности в Монтану и Миннесоту, так как в этих районах была дешёвая земля. Потом старообрядцы начали уходить на строительные работы и в другие штаты США.

Таким образом, постепенно стали превалировать экономические причины внутрирегиональной миграции староверов. В этих перемещениях наблюдается отход от веры, что более характерно для старообрядцев

США в отличие от их родственников, живущих в странах Южной Америки. И всё же в настоящее время, несмотря на отдалённость, разные условия политической и социально-экономической жизни в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, русские старообрядцы Северной Америки поддерживают тесное родственное общение и осуществляют брачные контакты со старообрядцами Бразилии, Боливии, Перу, Парагвая, Австралии, Новой Зеландии и России. Одновременно всё более широко распространяется желание старообрядцев вернуться на свою исконную родину — в Россию. Эти попытки реэмиграции в разные российские регионы, в основном в Приморье, начали осуществляться в начале XXI в. В настоящее время в Приморском крае существует несколько населённых пунктов, созданных переселенцами-старообрядцами из Южной Америки. Выразили желание переехать на юг российского Дальнего Востока и другие группы старообрядцев из Южной Америки. Первые южноамериканские старообрядцы прибыли в Приморье в 2009 г. из Уругвая. Они поселились в с. Дерсу Красноармейского района. Следующей стала группа из Боливии, связанная родственными узами с уругвайскими переселенцами. Сначала она остановилась в Корфовке Октябрьского района Приморского края, но вскоре тоже переехала в Дерсу, подальше от влияния современной жизни. Так началось возвращение южноамериканских старообрядцев на юг Дальнего Востока России. И этот процесс продолжается. В 2019 г. изъявили желание переселиться в Приморский край ещё несколько старообрядческих семей из Южной Америки, но возникшая эпидемия коронавируса пока мешает это осуществить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аногава И. Жизнь раскольников // Канко Тоа. Чанчунь, 1943. № 1.
2. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток: ДВО РАН, 2008. 400 с.
3. Злобин А. Русские барбудас: старообрядцы в Уругвае. URL: vojniki.org/unity/6 (дата обращения: 28.01.2021).
4. Карякин А. Старообрядцы в Латинской Америке. 17.03.2013. URL: <https://okoplanet.su/politik/politiklist/172715-starobryadcy-v-latinskoy-amerike.html> (дата обращения: 19.01.2021). С. 12.
5. Лысова А.Н. Китай — Бразилия — США // Русские старообрядцы: язык, культура, история: сб. статей к XIV Междунар. съезду славистов / отв. ред. Л.Л. Касаткин; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 395—405.
6. Мартюшев П.Г. Вот как русские делают // Зеньковский С.А. Русское старообрядчество: в 2 т. / сост. Г.М. Прохоров; общ. ред. В.В. Нехотина. М.: Ин-т Ди-Дик, Квадрига, 2009. С. 654—664.
7. Мартюшев П.Г. Новости из Аляски от русских староверов // Родные дали. 1972. № 217. С. 55.
8. Н.Н. В федерации Русских благотворительных организаций // Русская жизнь. 1951. 23 авг.

9. Наумов А. «Старообрядческая» Боливия. URL: http://ricolor.org/rz/latin_amerika/bl/b_r/1/ (дата обращения: 16.01.2021).
10. Тэруока Г. Жизнь колонизаторов. Сельское хозяйство и жизнь белых русских. Токио, 1942. Вып. 2.
11. Фудзияма К. Деревня Романовка. Чанчунь, 1941.
12. Фукуда С. Русские в Маньчжурии. Токио, 1942.
13. Ямадзоэ С. Рассказы о Романовке. Чанчунь, 1941.
14. Three Centuries of Wandering are Ended: Russian 'Old Believers' from Asia Settle in Brazil with Church Aid // National Council Outlook. 1958. 14 June.
15. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
16. МРК (Архив Музея русской культуры).
17. ПМА (Полевые материалы автора).

REFERENCES

1. Anogava I. Zhizn' raskol'nikov [Life of the Schismatics]. *Kanko Toa*. Chanchun', 1943, no. 1. (In Russ.)
2. Argudyaeva Yu.V. *Russkie staroobryadtsy v Man'chzhurii* [Russian Old Believers in Manchuria]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 2008, 400 p. (In Russ.)
3. Zlobin A. *Russkie barbudas: staroobryadtsy v Urugvae* [Russian Barbudas: Old Believers in Uruguay]. Available at: vojniki.org/unity/6 (accessed 28.01.2021). (In Russ.)
4. Karyakin A. *Staroobryadtsy v Latinskoy Amerike* [Old Believers in Latin America]. Available at: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/172715-staroobryadcy-v-latin-skoy-amerike.html> (accessed 19.01.2021). P. 12. (In Russ.)
5. Lysova A.N. Kitay — Braziliya — SShA [China — Brazil — USA]. *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya*: sb. statey k XIV Mezhdunar. s'ezdu slavistov [Russian Old Believers: Language, Culture, History: Collection of Articles for the XIV International Congress of Slavists]. Executive ed. L.L. Kasatkin; In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 395—405. (In Russ.)
6. Martyushev P.G. Vot kak russkie delayut [This is How the Russians Do]. Zen'kovskiy S.A. *Russkoe staroobryadchestvo: v 2 t.* [Russian Old Believers. In 2 vol.]. Comp. by G.M. Prokhorov; general ed. by V.V. Nekhotina. Moscow, In-t Di-Dik, Kvadriga Publ., 2009, pp. 654—664. (In Russ.)
7. Martyushev P.G. Novosti iz Alyaski ot russkikh staroverov [News from Alaska from Russian Old Believers]. *Rodnye dali*, 1972, no. 217, p. 55. (In Russ.)
8. N.N. V federatsii Russkikh blagotvoritel'nykh organizatsiy [In the Federation of Russian Charitable Organizations]. *Russkaya zhizn'*, 1951, 23 Aug. (In Russ.)
9. Naumov A. "Staroobryadcheskaya" Boliviya ["Old Believers" Bolivia]. Available at: http://ricolor.org/rz/latin_amerika/bl/b_r/1/ (accessed 16.01.2021). (In Russ.)
10. Teruoka G. *Zhizn' kolonizatorov. Sel'skoe khozyaystvo i zhizn' belykh russkikh* [The Life of the Colonialists. Agriculture and the Life of White Russians]. Tokio, 1942, iss. 2. (In Russ.)
11. Fudziyama K. *Derevnya Romanovka* [Village Romanovka]. Chanchun', 1941. (In Russ.)
12. Fukuda S. *Russkie v Man'chzhurii* [Russians in Manchuria]. Tokio, 1942. (In Russ.)
13. Yamadzoe S. *Rasskazy o Romanovke* [Stories about Romanovka]. Chanchun', 1941. (In Russ.)
14. Three Centuries of Wandering are Ended: Russian 'Old Believers' from Asia Settle in Brazil with Church Aid. *National Council Outlook*, 14 June 1958. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 29.03.2021